

УДК 80: 82.0

ДИСКУССИЯ Ф.И. БУСЛАЕВА И А.Н. ПЫПИНА ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Надежда Федоровна Злобина

к. филол. н., доцент кафедры современного русского языка

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

115184, Москва, ул. Новокузнецкая 23б. Zlobina.Nadejda2012@yandex.ru

Научная дискуссия Ф.И.Буслаева и А.Н.Пыпина, разрешая конкретные вопросы истории русской словесности, имела и общеметодологическое значение. Различия в мировоззрении ученых (Буслаев придерживался святоотеческих взглядов, Пыпину был близок позитивистский подход) привели к разному истолкованию ими двоеверия, византийского влияния, историзма, проблем периодизации истории литературы и поэтики словесности. В отличие от А.Н.Пыпина, Ф.И.Буслаев предлагал поэтику изучать исторически, двоеверие рассматривал не только как переходный этап от язычества к христианству, считал, что византийское направление оказало положительное влияние на русскую культуру.

Ключевые слова: Ф.И.Буслаев; А.Н.Пыпин; методология; история словесности; двоеверие; византийское влияние; историзм; дискуссия.

К середине XIX в. схоластические риторики и поэтики, философские эстетики уступили место исторической науке, что сказалось на решении вопросов об объеме предмета истории словесности, её периодах и принципах исследования. Однако само понятие историзма разными группами ученых определялось по-разному. Русские революционные демократы (А.И.Герцен, Н.Г.Чернышевский и др.) разрабатывали идею «естественных законов» истории, а именно: единство исторического прогресса связывали с понятием причинности, взятым из естествознания, теорию прогресса понимали как прямолинейное движение от низшего к высшему, а в народной поэзии искали только «отклики на злобу дня или политические тенденции» [Топорков 1997: 77].

Общественная ситуация (крестьянская реформа и др.), духовные процессы в русской культуре в пореформенное время актуализировали вопросы народности и историзма, которые явились предметом пристального обсуждения в дискуссии Ф.И.Буслаева и А.Н.Пыпина в 1861 г. Эта дискуссия была частью широкой полемики революционеров-демократов и либеральных кругов России.

Известна критическая позиция Н.Г.Чернышевского по отношению к Ф.И.Буслаеву, высказанная им в «Полемических красотах». Чернышевский пытался найти противоречия в диалектике мыслей ученого, логике комплексного подхода,

методологии сравнительно-исторического метода. Критик бездоказательно бросал обвинение исследователю в пристрастии к принципу «наука для науки» [Чернышевский 1951: 392] и непрофессионализме. Не умея корректно сформулировать научные недостатки исследований Ф.И.Буслаева, Н.Г.Чернышевский, не приводя аргументов, утверждал, что «трудами его наука не может воспользоваться» [Чернышевский 1951: 386–387], и, насмехаясь, спрашивал в другой статье: «...много мы найдем в вас ученых достоинств?» [там же: 397]. Поверхностный взгляд и псевдокритика Н.Г.Чернышевского только пародировали изыскания ученого. А.И.Баландин подчеркивал неординарность ситуации: «Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с тем уникальным случаем, когда правильные в своей основе методологические принципы научной критики в пылу увлеченности не давали того результата, на достижение которого они были направлены» [Баландин 1988: 104–105].

Наука XX в. давала противоречивые, порой идеологически ориентированные и односторонние характеристики участия Ф.И.Буслаева в дискуссионном движении середины XIX в. За основу были приняты суждения Н.Г.Чернышевского и ранние оценки А.Н.Пыпина, трактовавшие взгляды Ф.И.Буслаева как романтизм, отсталость, ретроградство, антиисторизм.

Во второй половине XX столетия внесены существенные коррективы относительно общих либеральных схем А.Н.Пыпина о прямолинейном движении дореволюционной науки, что подготовило изменение взгляда и на творчество Ф.И.Буслаева. Было обращено внимание на односторонность трактовок революционеро-демократов, публицистическую заостренность их формулировок, искажающих факты. Наука отметила сходства и различия взглядов Ф.И.Буслаева со взглядами славянофилов, западников, революционеро-демократов, дошла до отрицания романтических тенденций в концепции Ф.И.Буслаева. Категоричное утверждение статичности и антиисторичности концепции Ф.И.Буслаева сменилось указанием на её динамизм. Получил признание теоретический анализ ученого, который помог ему отделить науку от «демагогической апологетики, пошлости и посредственности» «практических» направлений [Семенов 1982: 65]. Наука также констатировала факт, что «Ф.И. Буслаеву приписываются взгляды, которых он на самом деле никогда не придерживался» [Топорков 1997: 16]. В XXI столетии в своих работах О.В.Евдокимова, Т.В.Федосеева и другие ученые указали на актуальность исторической проблематики в трудах Ф.И.Буслаева для современного культурно-образовательного пространства [Федосеева 2008], что и обуславливает наше обращение к основным положениям дискуссии Ф.И.Буслаева и А.Н.Пыпина, тем более что Б.Ф.Егоров охарактеризовал лишь общие аспекты этой полемики¹.

В 1861 г. Ф.И.Буслаев опубликовал два тома «Исторических очерков» [Буслаев 1861a], плод многолетней исследовательской и педагогической деятельности в Московском университете. В этом труде была в системе изложена концепция ученого и представлены основные направления его работы в области фольклористики, истории древнерусской и средневековой западноевропейской литературы и искусства. В «Исторических очерках» оригинально решались проблемы двоеверия, византийского влияния, периодизации словесности и др., разрабатывались сравнительно-исторический метод и комплексный подход.

А.Н.Пыпин выступил в «Современнике» с рецензией «По поводу исследований г-на Буслаева о русской старине» [Пыпин 1861], где категорически и беспощадно заявил об антиисторизме взглядов ученого, чем вызвал недоумение автора и его ответную статью в «Отечественных записках». Позднее А.Н.Пыпин продолжил полемику с Ф.И.Буслаевым в статьях «Старые не-

доразумения» и «Как понимать этнографию?». Не принципиально изменилось его мнение в «Истории русской этнографии» и «Истории русской литературы» [Пыпин 1863; он же 1994; он же 1891; он же 1899]. Однако последующие работы Ф.И.Буслаева, в том числе «О русских народных книгах и лубочных изданиях» [Буслаев 2005], «Догадки и мечтания о первобытном человечестве» [он же: 1873] и другие проникнуты прежним пафосом неприятия социологического подхода к художественному творчеству.

Отсутствие «исторического разбора памятников», т. е. «практического» подхода к народности, «славянофильская односторонность», т. е. уважение к византийским источникам русской культуры, стали наиболее острыми предметами спора. Для доказательства отсутствия «исторического разбора памятников» А.Н.Пыпин рассуждения Ф.И.Буслаева о поэтике интерпретировал как отсутствие связи с современной жизнью, пытался доказать, что ученый исследует искусство для искусства. «Изучать одни поэтические формы, разбирать одни художественные черты – словом, заниматься искусством для искусства, может быть приятно и интересно в эстетическом отношении, но очень недостаточно для исторического решения» [Пыпин 1861: 20]. А.Н.Пыпин и не предполагал, что поэтику можно изучать исторически, и именно Ф.И.Буслаев открывал в литературоведении и теории фольклора новый раздел – историческую поэтику.

Ф.И.Буслаев считал определение его взглядов как «искусство для искусства» научным подлогом. «Этот пошлый принцип всегда был мне ненавистен» [Буслаев 1861b: 82]. Ученый рассматривал не только прямые соответствия между реалиями и их отражением в поэтическом тексте, но и опосредованные, как то: подъем или упадок «поэтических сил», которые ученый также ставил «в связи со своею исторической действительностью» [там же: 66], считая исторической действительностью и духовно-нравственное движение.

Ф.И.Буслаев уверенно отстаивал право изучать предмет теоретически. Он аргументировал позицию тем, что «для этой *практической силы* недостает еще *теоретической* подготовки, т. е. самих знаний» [там же: 73]. Научная осторожность, поучительная для современной науки, всегда была характерна для Ф.И.Буслаева. Ученый не связывал свои исследования с практикой, не рассматривал «практического отношения» к суевериям и «практического вреда» византийских источников, так как политика мешает «скромному изучению фактов», и, кроме того, ему претил

«наиболее распространенный способ практического отношения к русской народности», который «состоит в порицании её» [Буслаев 2005: 350].

Ф.И.Буслаев нападал на «непрактичность «практического» вывода». На примере практического рассмотрения бороды, как предлагал А.Н.Пыпин [Пыпин 1861: 33], он указал всю абсурдность «практического отношения» к искусству. Ученый подчеркивал, что он работал по методу Винкельмана и образ бороды рассматривал как «иконописное подобие». Защищать бороду «как весьма естественную принадлежность мужского лица», считал исследователь, – это забота «парижских мод и парикмахеров», и «касается ли это дело нас, скромных кабинетных ученых?» [Буслаев 1861б: 75]. Буслаев оценивал современное мнимо-практическое направление в творчестве как «враждебное искусству и вообще всем идеальным стремлениям, если только они не соприкасаются непосредственно с практическими выгодами» [он же 1886: 300]. «Испорченный вкус» и «предвзятые теории» приводят к тому, что в живописи и в литературе негатив изображается как норма.

Анализ Ф.И.Буслаевым мифологических пластов современного народного творчества в народных книгах А.Н.Пыпин назвал «искусственной археологией» [Пыпин 1861: 33], «возвращением к народу с пустыми руками» [там же: 34]. А.Н.Пыпин настаивал, что «из-за археологических интересов этнография не должна была забывать современных явлений народного быта и их общественного интереса в настоящую минуту» [он же 1994: 97]. А.Н.Пыпину, как и Н.Г.Чернышевскому, близок «практический» подход к искусству, т. е. стремление целенаправленно влиять на современную политическую ситуацию.

Ф.И.Буслаев указывал на ценность теоретического образования, которое должно разоблачать суеверия и невежество жизни, «только тогда полезно будет для народа просвещенное содействие нашей образованности» [Буслаев 1861б: 79]. Теоретический же подход позволял изучать внутренние взаимосвязи содержания и формы произведения с его исторической составляющей, сами художественные образы, в которых живут идеи и понятия действительной жизни, а не прокламации и «обличительные» сцены современности. Диалектически подходя к вопросу о соотношении теоретических и практических начинаний в области изучения народной культуры, Ф.И.Буслаев подчеркивал их взаимозависимость: «...в сущности своей они идут по одному на-

правлению и ведут к одной и той же цели, к подчинению эгоистической личности насущным интересам народа, не только материальным, но особенно и духовным» [он же 1887: 8].

Ф.И.Буслаев критиковал социологический подход не только в русской, но и западноевропейской науке. Так, в работе Ш.Низара «Historic des livres populaires» (Paris. 1854) «все его ошибки, неточности, даже противоречия получают вид правды, то есть все сказанное им полезно для того политического направления, которому он усердно служит» [он же 2005: 373]. Ф.И.Буслаев иронически рекомендовал книгу Ш.Низара «русским практикам» как образец для подражания. Подход, представленный в книге О.Каспари «Die Urgeschichte der Menschheit mit Rucksicht auf die naturliche Entwicklung des fruhesten Geistesleben» (Лейпциг, 1873) и основывавшийся на дарвиновской эволюционной теории, Ф.И.Буслаев также подвергал серьезному разбору. Не приемля «звериное происхождение религии» [Буслаев 1873: 708], исследователь указывал на методологические и методические просчеты автора, которые выражались в том, что О.Каспари путал обстановку, поддерживающую религиозное чувство, с источником религиозного чувства: «Но обстановка не есть источник, не есть центр, из которого извлекалось бы чувство высокого, благочестие, уважение к авторитету» [там же: 705]. Ф.И.Буслаев настаивал, что твердые научные основы связаны с библейскими истинами [там же: 707], и отстаивал включение религиозного элемента в понятие научности. Только благочестивое направление научной мысли ученый считал истинной наукой. «Исходя из религии, наука или подтверждала признанные всеми преданья и начала, и тогда получала направленье благочестивое; или же кичливо стремилась к решению новых вопросов и к ниспровержению принятых начал и убеждений – и становилась ересью» [он же 1907: 26].

Тезис связи культа с искусством являлся для ученого аксиомой. Он писал: «Литература и искусство всегда и везде развивались в первые периоды своего бытия в теснейшей связи с религией народа. Так было и у язычников, то же видим и в христианских народах» [Буслаев 1904: 170]. Такое соотношение и взаимопроникновение религии в искусство Буслаев считает естественным и соответствующим норме. «Такое нормальное отношение литературы и искусства к религии было некогда везде в раннюю эпоху господства религиозных идей над всеми прочими интересами жизни на западе до XIV в., и у нас даже до

тридцатых годов XVIII столетия» [Буслаев 1905: 165].

Ф.И.Буслаев не мог согласиться и с революционерами-демократами, которые понимали историзм только как отражение актуальной современности в словесном искусстве и отрицательно относились к теориям религиозного происхождения народной поэзии. В.Е.Гусев отметил это: «Совершенно очевидна принципиальная направленность выступлений «Современника» против религиозных мотивов и жанров в народной поэзии» [Гусев 1955: 106]; и потому «Современник» «усиливал критику Буслаева как виднейшего представителя либеральной науки» [там же: 106].

Своим теоретическим подходом, в основе которого лежал зрелый богословский взгляд, Ф.И.Буслаев был тесно связан с современным обществом. Он «выступал решительно и твердо против всякого идеологического фанатизма» [Егоров 1991: 214]. М.В.Алпатов говорил, что «его научная деятельность была согрета интересами, которыми жило передовое русское общество середины XIX века» [Алпатов 1961: 61]. Ф.И.Буслаев шел «навстречу общественной мысли и делился с обществом результатами добытого им ценного знания» [Айналов 1898: 15], но ученый «никогда не спускался только с высоты научного исследования предмета во имя каких-либо предвзятых этических воззрений, согласно с партийным духом борющихся общественных течений» [Ляцкий 1898: 141–142]. Исследователь имел активную гражданскую позицию человека верующего, не скрывал своей любви к родной старине, но и не идеализировал ее.

Православное мировоззрение Ф.И.Буслаева сказалось не только в утверждении связи религии с искусством, выяснении духовной составляющей исторического процесса, но в целостности взгляда и комплексном подходе, умении связать явления разных сфер (иконографии, живописи, словесности, языка, архитектуры и др.). Проблему историзма Буслаев решал не с материалистических, позитивистских позиций, а с позиций святоотеческого, шире – христианского, идеализма. Историзм, в его понимании, это не просто прямое отражение исторической действительности в художественном творчестве, но выяснение исторического развития нравственных категорий, представленных в художественном творчестве. Духовная составляющая (грех или добродетель) дает содержание, лепит форму и в конечном итоге определяет развитие искусства.

Аксиомой для Буслаева было утверждение древнехристианского предания в качестве едино-

го источника средневековой западной и древнерусской литературы. Ученый подчеркивал типологию и специфику развития древнехристианского предания на Западе и Руси. Древнехристианский элемент «очень рано осложнился на Западе, а у нас от XI до XVII в. пребывал в своей первоначальной чистоте» [Буслаев 1906: 66]. Именно поэтому роль византийского влияния в русской культуре высока, так как оно несет древнехристианские идеалы. А.Н.Пыпин упрекал Ф.И.Буслаева за его мнение о том, что византийское влияние «доставило древней русской словесности много поэтического материала, способного развиться у нас, как развилась из церковных источников и элементов литература старонемецкая и романская» [Пыпин 1861: 9–10]. Эту критику А.Н.Пыпина современная наука считает необоснованной: «Между тем догадки Ф.И.Буслаева оспаривались его близорукими современниками-позитивистами XIX века... Открытия древнерусской иконописи в наше время убеждают в справедливости научной догадки Буслаева» [Алпатов 1961: 63].

Комментируя этот элемент спора, Б.Ф.Егоров писал: «Видимо, Пыпин был весьма далек от начавшегося еще в первой половине XIX века «открытия» в изучении древнерусской живописи, если он мог так отозваться о национальном достоянии, которое вскоре станет всемирно известным» [Егоров 1991: 69].

Рассмотрение Ф.И.Буслаевым положительной стороны византийского влияния на русскую культуру дало повод А.Н.Пыпину обвинить его в незнании отрицательных сторон этого явления: «Он, безусловно, защищает византийское влияние, не изучив его отрицательного влияния... на общественные нравы и понятия» [Пыпин 1861: 22].

Ф.И.Буслаев соглашался, что «аскетическое направление *выступало даже из области изящного*», но это произошло вследствие того, что «*безобразие внешней формы соответствовало болезненному состоянию духа*», а это как раз и есть результат принципа правдоподобия [Буслаев 1861б: 68]. Он считал, что дурная сторона суеверий, народной грубости и византийства уже описана и «историк имеет право попытаться в темном явлении прошлой жизни открыть и лучшую сторону», и отстаивал свой выбор [Буслаев 1861б: 73], оказываясь в данном случае мудрым диалектиком. Ученый приводил конкретные примеры положительного влияния византийской литературы на русские общественные нравы и понятия и позже – отрицательного её влияния: вырождение и схоластику этой литературы. На-

пример, считал он, сборник «Пчелы» имел положительное влияние на понятия о женщине, а праведная жизнь святой Иулиании есть результат аскетической проповеди. Но в XVI в. византийское влияние имело уже схоластический характер, что лишало его положительного заряда. На примере творчества Висковатова Ф.И.Буслаев показал схоластику его произведений [Буслаев 1861б: 71].

А.Н.Пыпин доказывал, что влияние христианской Византии было негативным, так как не давало народу активно участвовать в духовной деятельности. Ф.И.Буслаев с помощью историко-художественного анализа доказал участие народа в духовной жизни Руси-России. Ученый обратил внимание на тот факт, что приемы символики, аллегории, олицетворения, характерные для канонических христианских толкований, отразились в древнерусском искусстве, древнерусской словесности и народных духовных стихах. Ф.И.Буслаев утверждал, что народ не только хорошо знал, но и воплощал в своей нравственной жизни идеалы христианства, что доказывало практическое участие народа в духовной жизни страны.

Масштабность и общественная значимость вопроса о византийском влиянии открывается тогда, когда в конечном итоге обнаруживается мировоззренческая подоплека дискуссии. Ф.И.Буслаев отстаивал принципиальную важность христианского выбора Руси; А.Н.Пыпин пытался доказать порочность сделанного в X в. выбора и как существенный недостаток взглядов ученого рассматривал их религиозный элемент и даже упрекал Ф.И.Буслаева в том, что тот хочет живописи придать религиозный оттенок [Пыпин 1861: 26–27]. Ф.И.Буслаев же подчеркивал факт несовместимости принципов современной ему живописи с принципами древнерусской иконописи, утверждая, что «новое академическое искусство вовсе не способно к религиозной живописи» [Буслаев 1861б: 79]. Религиозный взгляд, который в концепции Ф.И.Буслаева является краеугольным, чужд А.Н.Пыпину. Это видно хотя бы по его отношению к византийскому влиянию, современной живописи и древнерусскому искусству.

А.Н.Пыпин настаивал: «Буслаев положительно ошибается, когда думает, что в него [период двоеверия. – Н.З.] можно с одинаковым правом внести и двоеверие старинного летописца и современное народное предание» [Пыпин 1861: 16]. Особенностью трактовки понятия двоеверия у Ф.И.Буслаева стало внесение в него элемента благочестия как связующего все виды двоеверия.

Именно это положение подвергалось критике [Пыпин 1863: 17]. Позже проблема двоеверия стала особым предметом изучения Ф.И.Буслаева, который подробно и всесторонне рассматривал это явление как принцип развития и как содержание переходных периодов [Злобина 2010: 141–161]. К двоеверию он относил разные варианты сочетания языческого (индоевропейского, древнеегипетского, древнееврейского, классического, славянского, неоклассического) и христианского (древнехристианского, православного, католического, протестантского, лютеранского) элементов.

Характеризуя статью А.Н.Пыпина в «Современнике», Ф.И.Буслаев обратил внимание на то, что в ней присутствует перенос акцента с обсуждения филологических проблем на решение проблем политико-социологических. В результате А.Н.Пыпин, прикрываясь «казенными фразами», использовал выводы ученого «для шутки» против него же [Буслаев 1861б: 66]. Наше исследование обнаруживает, что предмет спора лежит в принципиально разных подходах, ориентированных на прямо противоположные философские и вообще мировоззренческие системы. Позитивизм А.Н.Пыпина и объективный идеализм Ф.И.Буслаева, вобравший святоотеческие идеи, направляли мысль исследователей в прямо противоположные русла.

Таким образом, научная дискуссия Ф.И.Буслаева и А.Н.Пыпина, разрешая конкретные вопросы истории русской словесности, имела и общеметодологическое значение. Методология Ф.И. Буслаева имела целью определить общую духовную составляющую. Категория *христианской любви* – вот критерий, которым ученый поверял истинность концепций и взглядов. Под христианской любовью он понимал «всеобъемлющее беспредельное чувство человеколюбия, которое всем и каждому внушает любовь к массам народным и на пользу этих последних вызывает ко множеству гениальных открытий и великодушных предприятий, которыми становится знаменито наше время» [Буслаев 1861а, т.1: 401].

Такого рода полемика весьма показательна. И в настоящее время существуют два противоположных представления о науке и ее методологии: одно включает духовную составляющую, другое исключает этот важный элемент. Секуляризованная наука любого времени отвергает «самый факт духовной «составляющей» и духовной природы мироздания» [Руководство 2009: 294] и считает, что научное и религиозное мышление несовместимы. Изучая предмет, такая наука структурирует явление, но при этом для

такого «научного мышления любая структура с фиксированным центром – произвольна», как, например, современный структурализм в литературоведении. Кроме того, безрелигиозное научное сознание ориентировано на бесконечный процесс, в результате – признается «множественность истин» [Касаткина 2001: 463].

В христианстве признается одна истина и вопрос о соотношении науки и религии рассматривается как естественное соединение. Для религиозно мыслящего ученого «научно то, что не противоречит духовным законам бытия, истинам Божественного Откровения Священного Писания и Предания, и антинаучно то, что им противоречит или не вполне с ними согласуется. И это самый важный гносеологический принцип подлинной, а не мнимой науки!» [Руководство 2009: 294]. Целостность религиозного восприятия² позволяет видеть не просто структуру и последовательные связи, но иерархичность всего мира, теория становится «всеохватной», с «повышенной» концептуальностью. Об этом говорят и пишут такие ученые, как В.Ю.Троицкий, С.В.Непомнящий, О.Н.Забегайло, Т.А.Касаткина, И.Г.Минералова и многие другие современные ученые.

Концепция подчиненности историко-литературного движения духовной составляющей выступала у Ф.И.Буслаева в качестве фундамента комплексной междисциплинарной науки об исторических формах народной духовности, отраженной в языке, фольклоре, литературе, иконописи, живописи, скульптуре, архитектуре. «Филология становилась для Буслаева ... способом постижения духовной сущности исторических эпох» [Евдокимова 2001: 221].

Такой аспект буслаевской теоретической мысли дает пищу для размышления и современной науке. А.Н.Ужанков подчеркивает: «Давно уже назрела потребность в проведении комплексных исследований ряда смежных гуманитарных дисциплин с целью выявления общих законов развития общественного сознания и построения на их основе *теоретической истории* отечественной литературы, способной стать теоретической базой для академической истории русской литературы» [Ужанков 2008: 7]. В.Н.Захаров пишет: «Со всей определенностью необходимо заявить: *нужна новая концепция русской литературы*, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции» [Захаров 1994: 5]. В конце XX в., пишет И.А.Есаулов, пока еще не существует истории русской литературы, «которая бы хоть в какой-то степени совпадала в своих основных ак-

сиологических координатах с аксиологией объекта своего описания» [Есаулов 1994: 382]. Аксиологическое понятие духовных ценностей русской культуры коррелирует со многими понятиями концепции Ф.И.Буслаева. Филологическое наследие Ф.И.Буслаева дает нам не только ориентиры в таком подходе к истории словесности, но и серьезно разработанную методологию.

Примечания

¹ Б.Ф.Егоров пояснял: «Но все эти противостояния объясняются тем, что Пыпин склоняется к злободневной публицистике, а Буслаев – к научной полноте и объективности; Пыпин упрекает Буслаева в идеализации старины, но скорее он сам склонен идеализировать современную народную массу; Пыпин ратует за изучение современного искусства и удовлетворен разрывом между современностью и допетровской культурой, Буслаев же пытается наметить связи эпох и считает самым важным внимание к древнему периоду, «изучение старинного искусства может быть поучительно для современных художников» (с. 79); Пыпин настаивает на «просветительском» образовании для народа и на практическом освобождении народа от влияний древнего суеверия, Буслаев же объявляет себя решительным противником «насильственного просвещения» народа (с. 77) и особенно – «практических ампутаций» (с. 81)» [Егоров 1991: 215].

² Можно выделить два аспекта целостного подхода. Во-первых, «познание не только разумом, но всей (очищенной от греха) душой» [Забегайло 2006: 47], так как познание только умом, да еще и не свободным от личных заблуждений, дает относительное знание, которое «может стать препятствием к получению подлинной Истины. Причина этого, по учению святых отцов, заключена в том, что мысли (помыслы) – один из видов воздействия на нас обитателей невидимого мира (ангелов и бесов)» [там же: 71]. Вот почему так важно личное благочестие ученого. Во-вторых, целостность – не плоскостное, но объемное, многогранное изучение предмета, междисциплинарное, комплексное представление о нем, выяснение духовной идеи, отраженной в едином комплексе разными видами творчества.

Список литературы

Айналов Д.В. Значение Ф.И. Буслаева в науке истории искусств. Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 г. Казань, 1898. С.3–15. Отдельный оттиск из “Извес-

тий общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете". Т.14. Казань, 1898.

Алматов М.В. Ф.Буслаев и русская наука об искусстве // Искусство. 1961. №8. С.61–67.

Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И.Буслаев. М.: Наука, 1988. 224 с.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861а. Т.1: Русская народная поэзия. 643 с. Т.2: Древнерусская народная литература и искусство. 429 с.

Буслаев Ф.И. Ответ г. Пыпину на его статью, помещенную в 1-м № «Современника» за 1861 г., под заглавием: «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» (Письмо к А.Н.Пыпину) // Отечественные записки. М., 1861б, апр. Т.СXXXV, отд. III. С.61–86.

Буслаев Ф.И. О русских народных книгах и лубочных изданиях // Буслаев Ф.И. Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет / сост. А.А.Чех. СПб., 2005. С.340–407. Или: Отечественные записки. М., 1861, сент. Т.СXXXVIII, отд. III. С.1–68.

Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. «Первобытная история человечества с точки зрения естественного развития самой ранней его духовной жизни» («Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens») Отто Каспари, доцента Гейдельбергского университета. Лейпциг, 1873 // Русский вестник. М., 1873, окт. Т.СVIII. С.689–764.

Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Ч.1: Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; Песни, собранные П.В.Киреевским. [Изданы Обществом любителей российской словесности. Два выпуска] М., 1861 // Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Истор. очерки. СПб., 1887. С.1–215.

Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). М., 1904. Вып.1. 279 с.; 1906. Вып.2. 267 с.; 1907. Вып.3. 299 с.

Буслаев Ф.И. Задачи эстетической критики // Буслаев Ф.И. Мои досуги. М., 1886. Ч.1. С.291–407.

Гусев В.Е. Проблемы народной поэзии и русская журналистика 50-60-х годов XIX века // Сов. этнография. 1955. №3. С.97–110.

Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л.: Искусство, 1991. 334 с.

Евдокимова О.В. Слово и образ. Предание и память (Н.С.Лесков и Ф.И.Буслаев) // Евдокимо-

ва О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С.Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. С.218–263.

Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология. Опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. Вып.3. С.378–383.

Забегайло О.Н. Духовное понимание истории. М.: Русский центр, 2006. 656 с.

Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. Вып.3. С.5–11.

Злобина Н.Ф. Концепция историзма в филологическом наследии Ф.И.Буслаева. М.: Литера, 2010. 332 с.

Касаткина Т.А. О литературоведении, научности и религиозном мышлении // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С.461–468.

Кызласова И.Л. Связь научного творчества Ф.И.Буслаева с идейными течениями его времени // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып.7. С.53–71.

Ляцкий Е.И. Значение трудов Ф.И.Буслаева по народной словесности // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С.129–147.

Пыпин А.Н. По поводу исследований г-на Буслаева о русской старине // Современник. СПб., 1861. Т.85, №1, отд. II. С.1–34.

Пыпин А.Н. Старые недоразумения. История русской словесности, древней и новой. Соч. А.Галахова. Т.1. СПб., 1863 // Современник. СПб., 1863. Т.97. №7–8. С.1–36.

Пыпин А.Н. Как понимать этнографию? // Этнограф. обозр. 1994. №4. С.93–100.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III–IV. 488 с.

Пыпин А.Н. История русской литературы. СПб., 1899. Т. III. 535 с.

Руководство к благочестивой жизни. Свято-Алексиевская Пустынь, 2009. 414 с.

Семенов Е.И. Эстетические идеи Ф.И. Буслаева // Рус. лит. 1982. №3. С.56–80.

Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.

Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М.Горького, 2008. 528 с.

Федосеева Т.В. Личность и труды Буслаева в современном культурно-образовательном пространстве // Феномен творческой личности в культуре. М.: Изд-во МГУ, 2008. С.142–149.

Чернышевский Н.Г. Полемические красоты // М., 1951. С.343–426.
Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч.: в 3 т. Т.3.

**SCIENTIFIC DISCUSSION BETWEEN BUSLAEV AND PYPIN
ON HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE**

Nadejda F. Zlobina

**Reader of Modern Russian Language Department
Orthodox Holy-Tihonovsky Humanity University**

The scientific discussion between Buslaev and Pypin resolving some issues of Russian literature had a general methodological meaning. Some differences of their world outlook (Buslaev had holy-paternal views, Pypin had positive approach) led to different interpretations of the concepts of “double” faith, poetic of literature, Visantium’s influence, periods of literature. In contrast to Pypin Buslaev suggested studying poetics historically. He regarded “double” faith widely and considered Visantium direction as very positive for Russian culture.

Key words: Buslaev; Pypin; methodology; history of Russian literature; “double” faith; Visantium’s influence; historical method; discussion.